

Спиритизмъ и животный магнитизмъ.

Impravidi progrediamur!

Въ послѣднее время такъ много стали говорить и писать о спиритизмѣ, животномъ магнитизмѣ, гипнотизмѣ и т. п., что многимъ въ виду такого embarras de richesses приходится по неволѣ удерживаться и отъ излишнихъ разговоровъ, и отъ излишнихъ писаній. Повидимому, ни то, ни другое не способствовали разъясненію темныхъ и таинственныхъ „измовъ“, и къ подобнымъ попыткамъ „объяснить“ справедливо начали относиться съ возрастающимъ недоверіемъ.

Но все дѣло пріобрѣтаетъ новый интересъ, когда является, хотя бы и а ргіогі, чисто теоретически — новая точка зрѣнія, новая исходная точка, новымъ свѣтомъ освѣщающая эти непонятныя и даже невѣроятныя явленія и для простаго наблюдателя. Такой толчокъ даетъ письмо профессора *Н. П. Вагнера*: „Медиумизмъ и гипнотизмъ“, помѣщенное въ „Новомъ Времени“ (1881 г. № 1781), по поводу котораго я и рѣшился сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Въ немъ профессоръ *Вагнеръ* признаетъ родство спиритическихъ явленій съ такъ называемымъ „животнымъ магнитизмомъ“ (тоже: гипнотизмъ, искусственный сомнамбулизмъ) и именно считаетъ послѣдній за низшую форму, а первыя за болѣе развитыя проявленія „психизма“, т. е. дѣятельности самостоятельной нематеріальной психической субстанции. Нельзя однако не высказаться противъ подобнаго сопоставленія или по крайней мѣрѣ противъ своевременности его. А между тѣмъ, такъ какъ гипотеза *Н. П. Вагнера* представляетъ собой одно изъ самыхъ широкихъ и смѣлыхъ обобщеній, какія

только существуютъ въ научныхъ вопросахъ, то читатель, учоный и неучоный, вправѣ требовать доказательствъ конкретныхъ, болѣе или менѣе осязательныхъ. Вѣдь на долю слишкомъ рѣдкихъ личностей выпадаетъ счастье обладать способностью сознательно слѣдовать за ходомъ постепенно развивающагося обобщенія, новаго міровоззрѣнія — и всего только *послушно слѣдовать и убѣждаться!* Вся же остальная масса слушателей и читателей уподобляется человѣку, котораго съ основанія какого-нибудь великолѣпнаго зданія внезапно, помимо его участія, перенесли на гордо высящійся верхъ его. Чудный міръ открылся человѣку: передъ его взорами безбрежное море свѣта, эфира; подъ нимъ роскошный куполъ великаго зданія, — онъ на почти недостижимой высотѣ! Но увы! Его восторгъ стихаетъ, проходитъ; его постепенно начинаютъ интересоваться, беспокоить и даже мучить вопросы: гдѣ онъ, какъ онъ туда попалъ, какими усилиями, какимъ путемъ достигнуто величіе, какіе пройдены ступени?... Сознательный пытливый умъ требуетъ, ищетъ разрѣшенія вопросовъ, и чѣмъ меньше надежды на послѣднее, тѣмъ сильнѣе мученія человѣка... А разрѣшеніе загадки для него вѣдь невозможно: отъ него ускользнулъ постепенный, такъ сказать, логическій ходъ достиженія окончательнаго результата... Чисто умственная задача можетъ вызвать нравственные страданія и пусть лучше онъ снова будетъ низведенъ къ основанію величественнаго зданія, пусть снова начнетъ постепенно строго послѣдовательное восхождение на него, чѣмъ быть на его вершинѣ и переносить Сизифовы страданія, умственные и нравственные.

Подобный исходъ представляется воз-

можнымъ и относительно вліянія — конечно, могучаго, поработщающаго — смѣлыхъ и блестящихъ обобщеній. Они увлекаютъ послѣдователя своей видимой ясностью, многосодержательностью, плодотворностью идеи; они возносятъ адепта на высоту обширнаго міровоззрѣнія... Но нельзя не сознаться, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ большее значеніе со стороны послѣдователя пріобрѣтаетъ элементъ воображенія и чувства и меньшее — критическое отношеніе къ дѣлу. Стремленія его удовлетворяются не строго логическимъ развитіемъ идеи или вообще умственного труда, а блестящимъ результатомъ, какимъ бы путемъ онъ ни былъ полученъ. Здѣсь, слѣдовательно, идетъ дѣло скорѣе о подражаніи, довѣріи, вѣрѣ, чѣмъ о сознательномъ слѣдованіи за учителемъ! А тамъ гдѣ вѣра и довѣріе велики, гдѣ нѣтъ недостатка въ энергіи чувства и воображенія, тамъ всякіе Сизифовы страданія и труды тщетнаго сознательнаго исканія истины прекращаются.... Основная идея *Н. П. Вагнера*, охватывающая всѣ безконечныя проявленія душевной и духовной жизни человѣка, представляетъ для спиритовъ прочный научно выработанный оплотъ или ту эгиду, подъ которой крайнія увлеченія ихъ могутъ выйти далеко за предѣлы реальнаго мышленія. Не будучи самъ спиритомъ, я тѣмъ не менѣе, сознаюсь, читалъ письмо *Н. П. Вагнера* не безъ нѣкотораго волненія. Смѣлость и ширина полета мысли, сила новаго міровоззрѣнія, а отчасти и вліянія самой личности глубокоуважаемаго *Н. П. Вагнера* не могли не оказать на меня своего дѣйствія... Достаточно своей мысли *laxas dare habenas* — и предъ нами новый убѣжденный адепт! Нужна, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, известная

внутренняя борьба, чтобы удержаться на высотѣ безпристрастія и спокойнаго критическаго отношенія къ дѣлу... Насколько я понялъ воззрѣніе *Н. П. Вагнера*, высказанное имъ, къ сожалѣнію, вскользь, вкратцѣ, развитіе „психизма“ по принципу эволюціонизма можно выразить слѣдующимъ рядомъ: психофизиологическія явленія — психическія явленія обыденной жизни человѣка — явленія животнаго магнитизма — „ясновидѣніе“ — медиумизмъ, т. е. спиритическія явленія въ обширномъ смыслѣ слова. Между членами ряда существуетъ тѣсная генетически родственная связь, въ основѣ которой лежитъ общій имъ всѣмъ самобытный нематеріальный элементъ (душа, духъ). *Н. П. Вагнеръ* предлагаетъ учонымъ — врачамъ и физиологамъ отбросить излишнюю научную гордость, не отворачиваться съ полнымъ презрѣніемъ, не игнорировать, и приступить теперь же къ научному изученію „психизма“. Мнѣ кажется, уже прошло то время, когда учоныя и неучоныя безъ провѣрки безапелляціонно прямо отрицали всякое серіозное значеніе спиритизма. Онъ несомнѣнно въ различныхъ отношеніяхъ представляетъ не мало интереса какъ относительно самаго наблюдателя, такъ и внѣшняго содержанія спиритическихъ явленій. Самая сложность и загадочность послѣднихъ дѣлаетъ ихъ интересными и для учонаго помимо даже вопроса объ искренности, правдивости, фокусничествѣ исполнителей и т. п. Нельзя вѣдь отрицать возможности такого случая, что иное явленіе, служащее шарлатану простымъ фокусомъ, въ глазахъ учонаго можетъ пріобрѣсти серіозное научное значеніе. Вотъ почему и не слѣдуетъ вполне отрицать полезности и даже необходимости изученія спири-

тическихъ явленій, но только съ чисто объективной точки зрѣнія, безъ всякой предвзятой мысли, безъ какого-либо послѣдствіаго объясненія.

Теперь является основной вопросъ: почему же специалисты учоныя — физиологи, психіатры, врачи такъ упорно отереживаются отъ спиритизма, остаются вполне равнодушными къ его проявленіямъ, полнымъ блеска и загадочности, полнымъ той заманчивой таинственности, которая такъ неудержимо, невольно увлекаетъ людей, поработщаетъ ихъ умъ и воображеніе и отрываетъ отъ суровой прозаической дѣйствительности обыденныхъ явленій... Обыкновенно это объясняютъ тѣмъ, что подобное увлеченіе есть результатъ мистическаго склада ума, и что наука несовмѣстима съ мистицизмомъ. Но вѣдь въ ряду спиритовъ мы встрѣчаемъ такихъ достойныхъ представителей науки, какъ профессора *Круксъ, Уэлессъ, А. М. Бутлеровъ, Н. П. Вагнеръ, Фехнеръ, Цельнеръ, В. Веберъ, Умричи* и др. Ихъ учоныя труды и заслуги не даютъ намъ права упрекнуть ихъ въ увлеченіи мистицизмомъ *); въ нихъ мы не встрѣчаемъ объективнаго выраженія послѣдняго.

Если упомянутые учоныя и интересуются спиритизмомъ, и признаютъ реальность явленій его, то несомнѣнно они всѣ или большинство ихъ относятся къ медиумизму и изучаютъ его такъ же, какъ и другія естественныя явленія, совершающіяся по неизмѣннымъ космическимъ законамъ. По моему мнѣнію, не въ одной близости спиритизма къ мистицизму вообще лежитъ причина равнодушія специалистовъ къ первому. Было бы несправедливо упрекнуть ихъ и въ излишней

*) Исключеніемъ, пожалуй, могутъ служить *Цельнеръ* и *Умричи* (философы).

боязни, какой-то „паникѣ“ предъ новымъ загадочнымъ таинственнымъ міромъ и этимъ объяснить ихъ безучастность. Причина послѣдняго, мнѣ кажется, заключается въ совершенно другомъ и станетъ понятною, если мы въ этомъ отношеніи проведемъ параллель между гипнотизмомъ и спиритизмомъ.

Было время и не такъ давно, когда явленія животнаго магнитизма не признавались, осмѣивались, считались результатомъ суевѣрія, шарлатанства, мистицизма и т. п. Но прошли года, и учоныя какъ хирургъ *Брэдъ* (1848), физиологи *Чермакъ, Гайденайнъ* (1879) сорвали мистическій покровъ съ гипнотизма, установили естественныя формы и условія его явленій, разрушили вѣру въ какую-то таинственную „магнитическую силу“ человѣка (рѣдкихъ избранныхъ!) — однимъ словомъ, сдѣлали животный магнитизмъ доступнымъ точному научному изученію. Наблюденія показали существованіе гипнотизма даже у животныхъ (у раковъ, лягушекъ, ящерицъ, птицъ, кроликовъ, лошадей и др.).

Причина такого „благоклоннаго“ отношенія специалистовъ учоныхъ къ животному магнитизму предпочтительно передъ спиритизмомъ заключается въ томъ, что явленія перваго несравненно проще, естественнѣе, доступнѣе для современныхъ методовъ наблюденія и изслѣдованія. Условія и самое содержаніе гипнотизма настолько сродны нормальнымъ и болѣзненнымъ симптомамъ душевной жизни человѣка (при чрезмѣрномъ напряженіи мышленія и вниманія, симптомы истеріи, каталепсіи, сочетанія истеріи съ падучею болѣзью, лунатизма и т. п.), что искать или даже заподозрѣвать въ нихъ новую силу или что-либо сверхъестест-

венное оказывается просто невозможным, невозможным. Специалисты—физиолога, психиатра или невропатолога уже не изумляют, не ошеломляют ни быстрое погружение „магнитизируемой“ личности въ сонъ, ни исчезание чувствительности кожи, ни превращение спящего какъ бы въ живого автомата, ни способность „замангнитизированнаго“ отвѣчать на вопросы и слѣдовать приказаніямъ и внушеніямъ окружающихъ лицъ и т. п. Всѣ эти формы или частные компоненты мы встрѣчали и встрѣчаемъ при различныхъ психо-нервныхъ явленіяхъ, нормальныхъ или болѣзненныхъ, въ томъ или другомъ видѣ, въ тѣхъ или другихъ сочетаніяхъ.

Итакъ научное изученіе явленій животнаго магнетизма стало возможнымъ послѣ того, какъ точно установлены были факты. Физиологія, психологія и медицина обладаютъ въ настоящее время достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и методовъ, чтобы, не пугаясь сложности и загадочности животнаго магнетизма, приступить къ его систематическому изученію. И несомнѣнно послѣднее общаетъ дать блестящіе результаты и много поможетъ въ дѣлѣ познанія душевной и вообще духовной жизни человека. Но этого мало: наука еще обладаетъ однимъ драгоценнымъ методомъ—*сравнительнымъ*, по принципу котораго сначала слѣдуетъ изучать гипнотизмъ, являющійся въ болѣе простой формѣ у низшихъ животныхъ; затѣмъ, у высшихъ животныхъ, у которыхъ гипнозъ сложнѣе, и наконецъ, перейти къ человеку. Общій законъ естественныхъ наукъ, примѣнимый ко всѣмъ сферамъ человѣческаго знанія и мысли, гласитъ: отъ простаго къ сложному, отъ менѣе развитаго къ болѣе развитому! Если же мы примемъ въ соображеніе, что по общепринятой теоріи Дарвина (трансформизму) высшіе животные ор-

ганизмы и самъ человекъ произошли изъ низшихъ, менѣе развитыхъ путемъ постепеннаго развитія, усовершенствованія, и что тотъ же принципъ развитія неизбѣжно примѣнимъ и къ душевнымъ явленіямъ, то намъ станетъ понятнымъ родство гипнотизма животныхъ и человека, а слѣдовательно станетъ понятнымъ и важное значеніе сравнительно психологическаго метода для изученія животнаго магнетизма.

Такимъ образомъ, установивши научную точку зрѣнія, мы вправѣ сказать, что специалисты-учоны въ настоящее время могутъ съ полною объективностью подойти къ изслѣдованію гипнотизма и безпристрастно относиться къ его явленіямъ. Личное „я“ наблюдателя оказывается теперь настолько огражденнымъ отъ ошибокъ вслѣдствіе возможнаго непосредственнаго участія въ происходящихъ явленіяхъ (непроизвольнаго и несознаваемаго!), что результаты наблюденія становятся достойными довѣрія. Самъ изслѣдователь, устанавливая методъ и условія наблюденія, знаетъ точно предѣлы ошибокъ, зависящихъ всецѣло отъ его пониманія и знанія, и становится въ состояніе по возможности ограничить или устранить ошибки наблюденія, обуславливаемые его индивидуальностью, его личными психическими свойствами. Оставаясь безпристрастнымъ наблюдателемъ онъ представляетъ собою объективное орудіе опыта или какъ бы записывающій приборъ, графическій аппаратъ, свойства котораго—достоинства и недостатки—извѣстны, предѣлы вѣрности показаній котораго для данныхъ условій наблюденія также опредѣлены.

Совершенно другое мы встрѣчаемъ въ спиритическихъ сеансахъ. Въ нихъ наблюдатель *volens-nolens* можетъ явиться дѣйствующимъ лицомъ, активнымъ участникомъ въ происходящемъ внѣ его, въ неодушевленныхъ окружающихъ

предметахъ, и—что очень важно—участникомъ, дѣйствія котораго приближаются къ движеніямъ произвольнымъ и несознаваемымъ. И это есть прямой результатъ условій большинства спиритическихъ сеансовъ: разъ свобода мышленія и движенія въ томъ или другомъ видѣ, вслѣдствіе внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ, ограничены всецѣло или частью, специалистъ-учонный перестаетъ быть объективнымъ изслѣдователемъ, стало быть перестаетъ быть аппаратомъ, точно и вѣрно воспринимающимъ и передающимъ то, что совершается передъ нимъ. Съ одной стороны неожиданность и случайность появленія спиритическихъ продукцій, а съ другой—отсюда понятная неподготовленность наблюдателя—дѣлаетъ само изслѣдованіе ненаучнымъ. А если, кромѣ того, самъ наблюдатель силою воли не въ состояніи подавить или предупредить возбужденнаго состоянія своего чувства и воображенія, то понятно тѣмъ болѣе не можетъ быть и рѣчи о научномъ наблюденіи спиритизма. Конечно, нельзя отрицать того, что нѣкоторые проявленія послѣдняго, описанныя, напр., *Круксомъ* и по своему содержанію, и по условіямъ происхожденія представляютъ собой, такъ сказать, годный матеріалъ для изученія. Но большинство спиритическихъ явленій, наиболѣе вызывающихъ изумленія въ массѣ общества, обставлены такъ, что едва ли могутъ теперь быть подвергнуты всестороннему научному анализу. Прежде всего наука еще не обладаетъ приспособленными методами для изученія столь сложныхъ, капризныхъ, случайныхъ явленій, каковы медіумическія. При настоящемъ положеніи науки и медіумизма, специалистъ-учонный едва ли въ состояніи произвольно установить условія сеанса и наконецъ—самое главное—наука относительно этой задачи еще недостаточно изучила тотъ аппаратъ, помощью

котораго она могла бы разрѣшить задачу, это—самаго человека и именно его психическую сторону, какъ наиболѣе заинтересованную въ этомъ дѣлѣ. Въ этомъ то, по моему убѣжденію, и лежитъ основная причина, почему въ настоящее время специалисты не приступаютъ, и почему и не слѣдуетъ пока приступать, къ систематическому научному изслѣдованію медіумизма. Наблюдатель своимъ личнымъ „я“, своими душой и тѣломъ вноситъ такъ много еще намъ непонятнаго и неизвѣстнаго, имъ самымъ даже можетъ быть и несознаваемаго въ сферу спиритическихъ явленій, что въ концѣ концовъ становится крайне затруднительнымъ опредѣлить: что въ видѣнномъ и слышанномъ относится къ внѣшнему проявленію „психизма“ и что принадлежитъ самому наблюдателю. Иначе говоря, мы не обладаемъ еще вѣрнымъ критеріемъ для подобнаго распознаванія.

Изъ предыдущаго становится ясною причина равнодушія специалистовъ къ спиритизму. Научное изученіе естественныхъ явленій идетъ постепенно отъ простаго къ сложному, отсюда и послѣдовательное развитіе научной методики: сложность научной задачи не должна превышать данной степени усовершенствованія метода, не должна быть „не подъ силу“ и методикѣ, и степени подготовки самаго наблюдателя. При подобномъ же несоотвѣтствіи изученіе спиритизма теперь окажется почти что напраснымъ трудомъ; результаты едва ли вознаграждать потраченную массу труда и времени. Придетъ въ свое время очередь и для изученія спиритизма...

При всѣхъ подобныхъ занятіяхъ крайне сложными и загадочными явленіями, каковы медіумическія, или вообще задачами, слишкомъ рѣзко выдающимися изъ массы вопросовъ, разрѣшаемыхъ обычной послѣдовательной чередой, необходимо помнить, что мед-

ленное и въ то же время могучее движеніе науки впередъ идетъ въ той правильной равномерности въ ея различныхъ отдѣлахъ, которую мы вправѣ представлять себѣ какъ отвлеченную гармонію развитія человѣческихъ познаній вообще. Логическая связь задачъ и вопросовъ науки устанавливаетъ строгую систематичность, придаетъ всему движенію характеръ научности. То же относится и къ параллельному развитію методики науки, къ развитію продуктивной силы ея. Подобное же гармоническое соотвѣтствіе должно существовать и у каждаго отдѣльнаго человека, въ его умственной и нравственной жизни, соотвѣтствіе между его стремленіями и его духовными силами. А между тѣмъ, какъ часто противорѣчитъ этому основному требованію проза жизни! То же самое мы находимъ и въ увлеченіи спиритизмомъ, бывшемъ въ 50 и 70 годахъ! Личности, не имѣвшія и понятія о научныхъ методахъ наблюденія, сажались за столы, терпѣливо высиживали по часамъ и получали полное удовлетвореніе, если столъ начиналъ двигаться! Еще одинъ шагъ, одно усиліе и имъ удастся вызвать „материализацію духа“; еще немного терпѣнія и настойчивости и имъ откроется „невидимый міръ“, установится общеніе съ душами умершихъ людей (*по Уолричи*) и т. д. И рядомъ съ такими нескромными стремленіями болѣею частью замѣчается отсутствіе научнаго образованія, т. е. того критерія, который одинъ только въ состояніи ограждать наблюдателя отъ суевѣрія и предразсудка. Если мы и соглашаемся съ *Н. П. Вагнеромъ*, что учоныя суть служители общества, то во всякомъ случаѣ этимъ служителямъ предоставляется право прежде всего руководствоваться стремленіями и интересами науки, а не минутными, скоропроходящими настроеніями общества. Міровоз-

зрѣніе человечества тогда только можетъ расширяться, обогатиться на счетъ вновь открытыхъ явленій, когда послѣднія сдѣлаются научнымъ достояніемъ. Признаніе факта еще не есть рѣшеніе задачи; для человечества въ томъ или другомъ видѣ это только припоминаніе—*nil novi sub soli*! Общество должно понять, что безъ научнаго содѣйствія специалистовъ всѣ его усилія разгадать таинственные явленія, „открыть новый міръ“ останутся совершенно безплодными... Всѣ эти частные сеансы любителей и ревнителей знанія, какъ они ни искренни, ни правдивы по существу, все же представляютъ собой въ своемъ родѣ „погоню за легкой наживой“: повидимому такъ мало требуется для попытокъ вызвать „таинственные проявленія невидимой силы“—не нужно ни аппаратовъ, ни знанія.... „Отчего же намъ не сѣсть за столъ?... Авось онъ задвигается, начнутся стуки?“...

Тотъ, кто признаетъ строго логическое развитіе человѣческой мысли, тѣмъ самымъ долженъ допустить, что придетъ время, когда наука въ своемъ неудержимомъ могучемъ стремленіи охватитъ и изучитъ всѣ явленія, совершающіяся передъ человекомъ и въ немъ самомъ, поработитъ себѣ и спиритическія явленія. Учонный, будь онъ „цеховой или свободный“ стоитъ теперь передъ пока еще не разъясненными, еще даже не признанными явленіями безъ всякой боязни, безъ какой-либо паники... Откровенное признаніе въ непониманіи ихъ никоимъ образомъ не можетъ унижить его и не введетъ въ заблужденіе ни его, ни окружающихъ. Историческое развитіе науки, какъ общей суммы систематическаго человѣческаго знанія, даетъ ему увѣренность, что наука вѣчно идетъ и будетъ идти впередъ, что прогрессъ ея есть такое же роковое явленіе, какъ и стремленіе человека жить и мыслить!...

В. Я. Данилевскій.